

Евгений Ростиславович Эростов родился в 1963 году в городе Горьком. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт им. А.М. Горького. Доктор медицинских наук. Автор шести поэтических и четырех прозаических книг, а также многочисленных публикаций в периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат многих литературных премий, в том числе им. А. Горького, им. М. Цветаевой, победитель ряда международных поэтических конкурсов. Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

Евгений Эростов

ПОВЕРЕННЫЙ ПРИРОДЫ

* * *

Запах теплых степей волгоградских —
Половецких, сарматских степей,
Силуэты палаток рыбацких,
Белый донник, татарник, репей.

У коричневой старой запруды
Словно свечи, грустят камыши.
Что ни отмель — то новое чудо,
Что ни берег — бальзам для души.

Удивляться никак не устану
Низкорослым ветрам продувным.
Если правда, что прахом я стану, —
Стать хотел бы я прахом *степным*.

И тогда — маргинал, беззаконник,
Потерявший и зренье, и слух,
Буду с вами, татарник и донник,
Сизый клевер, пушистый лопух!

* * *

Там утки плавали, и вкрадчивый камыш
Под ветром кланялся — и к осени все ниже,
Там рыла норку полевая мышь
И запах ивняка был явственней и ближе.

И мир причудливый пред взором возникал —
Песчинки, камешки, доверчивые травы,

И сногшибательный лягушечий вокал
Под вечер долетал до сумрачной дубравы.

Там тайны жуткие вода открыла мне —
И я расписку дал об их неразглашение —
О ямах глинистых, песочной глубине,
Об узаконенной болотной тишине.
На сходку плавунцов я принял приглашение.

Я понял — не сносить мне буйной головы,
Когда узнают ямы, буераки,
Что тайный заговор заносчивой плотвы
Раскрыли бдительные раки.

Они шептали мне: «Кругом враги воды,
Изгадить все хотят, и каждый враг опасен!»
Но я-то понимал, что нет у нас беды —
С водой мы заодно, и Божий мир прекрасен.

Там утки плавали, и холмики стогов
На поле брошенном, неприбранном, стояли.
Я всем сказать хочу, что нет у нас врагов,
Что всех трюцкистов мы в сердцах насочиняли,

Придумали, и вся-то недолга —
Вот сломанный клинок, вот зеркала осколок.
Ты погляди в него — увидишь в нем врага?
Но войны все идут, и вечен мартиролог.

Зачем же ты, вода, открыла мне секрет,
Доверила свои таинственные коды?
И кто я для тебя? Какой такой поэт?
Я вечный твой должник, поверенный природы.

* * *

В траве земляника алеет,
Чихает хозяйственный еж,
И облако в небе белеет,
А в поле лоснится и зреет,
Полнеет красавица-рожь.

Глубокого неба колодцы
Двухвостые режут стрижи,
И в узеньком темном болотце
Смешные резвятся ужи.

И каждый свернувшийся ужик,
Что весел, отважен и лих,
Болотную тину утюжит
В сообществе юрких ужих.

Там кочка мяжка, как подушка,
И средь узаконенной мглы
Скучает царевна-лягушка
В предчувствии острой стрелы.

* * *

Как мучнистый седой мотылек
Над увядшим пасленом порхает,
Так и жизни дарованный срок
Растворяется, тает и тает.

Да и стоит ли вечно порхать
Над поруганным русским болотом?
Уж не лучше ли в небе летать
Величавым ковром-самолетом?

В сонной речке резвится малек,
В чистом поле цветет василек,
Пыль стоит на дорогах Отчизны.
Но мучнистый седой мотылек
Что-то важное знает о жизни.

Знает то, что не знает другой,
В узколобой ночи дорогой
Заскорюзлые башли считая.
И безбожно чернеет паслен,
И желтеет раскидистый клен.
...Скоро осень придет золотая.

* * *

Он покинуть совсем не жалел
Ни закат, что так долго алел,
Ни тебя, обветшалая пашня.
Уходить в безъязыкую тьму
Так, без друга, совсем одному,
Было вовсе не больно, не страшно.

И жену он покинуть был рад,
И любовницу Любу, и сад
С огородом, и сельские дали.
Даже книги — и те потерять
Не боялся. Ему ль не понять —
В многих знаниях — много печали.

Раньше, позже ли — что за беда!
Снегом был, а сегодня — вода.
Жизнь — комедия, грязная драма.

Но однажды он вспомнил о том,
Как мальчишкой играл в бадминтон,
Как купила волан ему мама.

И заплакал он, словно дитя,
Вспоминая, как жил он шутя,
Наплевав на судьбу-профурсетку,
В захудалом советском раю.
Вспомнил школу и маму свою,
Долгожданный волан и ракетку.

Там гусиные перышки в ряд
О свободе своей говорят,
Неразгаданной тайне полета.
Есть ли в мире Божественный План?
Без сомненья — ракетка, волан.
В этом есть запредельное что-то.

Боже, как он был счастлив тогда!
Из фонтанчиков била вода,
Тлело небо в лиловых каплях.
Не пятеркой в его дневнике,
Не синицей в озябшей руке —
Счастье было — резиновый запах.

* * *

Несмотря на боль и скрежет,
Словно острые ножи
Небо пепельное режут
Черноглазые стрижи.

Пискнет мышка в узкой норке,
На болоте свистнет рак.
Грянет гром — на скользкой горке
Упадет в траву дурак.

В огороде молодуху
Испугает этот гром.
Перекрестится старуха
Над пустым своим ведром.

В ожидании парома
Я на пристани стою.
Может, Там я буду дома?
Что я вспомню в том краю?

Что я вспомню — счастье, горе?
Взмах чеченского ножа?
Дурака на косогоре?
Хвост раздвоенный стрижа?

Сосняк и пружинист, и колок,
И строен, что твой звукоряд.
И столько прилипло иголок
К коричневым шляпкам маслят!

И столько листочков прилипло
Ольховых, что просто беда!
Кукушка устало и сипло
Считает в чащобе года.

Родное мое бездорожье!
Залетных стрекозок слюда!
Однажды пред Ангелом Божиим
Предстану, и скажет тогда

Мне Ангел, что в век озверевший
Барыг и безумных вождей
Не грех, что сосняк побуревший
Я больше любил, чем людей.

Поэтому с чувством ребенка
Я вижу сплетенье корней
И трогаю шляпку масленка,
Сухие иголки на ней.